

РОЛЬ ГРАНИЦ Я И НЕ-Я В ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

© 2017

И.А. Шаповал, доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры специальной психологии
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Ключевые слова: границы Я и не-Я; самодетерминация; несамодетерминация; индетерминация; субъективная неопределенность.

Аннотация: Статья представляет теоретический анализ проблемы взаимоотношений границ Я и не-Я личности и детерминации ее поведения в ситуации субъективной неопределенности. Цель исследования – определение роли границ Я в детерминации поведения человека в условиях субъективной неопределенности. Анализ вариантов детерминации поведения включает его самодетерминацию, несамодетерминацию и индетерминацию с неоднозначностью будущего. Показано, что повседневная детерминация поведения является композицией самодетерминации и несамодетерминации в их гибких индивидуальных пропорциях. Ситуация неопределенности как точка бифуркации определяет появление пограничного состояния человека, где отменяется привычная детерминация и напрягается система границ Я – динамическая (изменяющаяся), открытая (в диалогических отношениях человека с миром и с самим собой), функциональная (Я-отграничения). В этой ситуации тестируются пределы возможностей, осознаются и реконструируются границы Я и не-Я в новых условиях. Автор доказывает, что преодоление актуальных границ или блокирование границ новых возможностей зависит от специфики функционирования самих границ, которая определяет локус каузальности как доминанту ориентации в поведении и каузальную ориентацию как преобладающую мотивацию (согласно теории Э. Деси и Р. Райана), характер детерминации поведения и способ реагирования человека на вызов неопределенности. Результатом авторского анализа является типология схем детерминации поведения по критериям формы переживания субъективной неопределенности (позитивное, негативное), варианта Я-отграничения (конструктивное, деструктивное, дефицитарное) и каузальной ориентации (автономная интернальная, контролируемая экстернальная, безличная амотивирующая). Автор приходит к выводам о связях переживания неопределенности с индивидуально-типowymi композициями детерминации поведения, которые под влиянием фактора случайности могут непредсказуемо изменяться. Роль границ Я как системы в этих условиях определяется реализацией их функций, которая определяет каузальную ориентацию, характер детерминации поведения и способ реагирования человека на неопределенность.

ВВЕДЕНИЕ

Определения современности как «текучей» (З. Бауман), как «общества скольжения» (Ж. Липовецки) характеризуют неуправляемость, недетерминированность, непредсказуемость, неоднозначность мира для человека, сопровождающиеся переживанием неопределенности. Потеря контроля над условиями своей жизни рефлексивируется нами, изменяет систему наших ценностей, и вот многие уже сами начинают отрицать стабильность и длительность как важные условия благополучия [1, с. 9]. Тем самым неопределенность приобретает статус субъективной реальности и самоподдерживающийся характер.

Большинство людей старается минимизировать неопределенность путем создания нового смысла ситуации, детерминирующего определенное поведение. Для этого, как мы полагаем, человеком должна быть открыта сама возможность преобразования мира или себя, что, в свою очередь, требует ориентации в границах своего Я и не-Я, возможного и невозможного.

Поскольку вопрос о взаимоотношениях между функционированием границ Я и характером детерминации поведения в условиях неопределенности до настоящего времени не являлся предметом научного поиска, постольку он выступает проблемой настоящего исследования.

Цель исследования – определение роли границ Я в детерминации поведения человека в условиях субъективной неопределенности.

Рассмотрим спектр представлений о вариантах детерминации поведения.

САМОДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК СУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Закономерности субъектности человека в отношениях с миром раскрывает философская антропология (Г.С. Батищев, М.М. Бахтин, Н.А. Бердяев, М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейн, М. Шелер и др.). Именно человек – инициатор выстраивания и преобразования отношений с природой, обществом, другим человеком, культурой как формами бытия. Как его часть мы можем выступать одновременно субъектами и объектами преобразований, обнаруживая в процессе этой активности новое качество бытия. Субъективно и объективно переход к новому качеству проявляется в развитии нашей способности выходить за собственные границы.

Изучение феномена субъектности в отечественной психологии (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Г. Асмолов, В.И. Слободчиков, В.А. Петровский, Е.Н. Волкова и др.) привело к образованию ряда контекстов. Как системная целостность противоречивых качеств личности, субъектность характеризует сферу способностей человека к самодетерминации, творческой активности, управлению своей деятельностью, отражая ее внутренний смысл, мотивы и отношение человека к себе как к деятелю. Как условие саморазвития и способность изменять мир и изменяться, субъектность выступает главной предпосылкой деятельности человека в сотворении

своего Я. Таким образом, субъектность предполагает интринсивную мотивацию и детерминацию преобразований человеком мира и самого себя.

В зарубежной психологии, как синоним субъектности в поле понятий свободы, автономии, самодетерминации, используется термин “agency”: с одной стороны, это способность человека выступать «агентом», действующим лицом, движущей силой действия, с другой – осуществленная возможность воздействия на свой мир, целенаправленной и рефлексивной его реконструкции субъективно желательными и возможными способами [2, с. 49].

Самодетерминированность поведения означает обладание человеком определенной автономией, основанной на разграничении пространств Я (+ Мое) и не-Я (+ не-Мое). Разделяя и связывая эти пространства, границы Я характеризуют ту его сторону, благодаря которой оно зависит от не-Я и обуславливается им.

По мнению Р. Нагге, субъектность отражается в реализованной способности человека репрезентировать более широкий спектр возможных будущих, чем актуально доступные, и осуществить любое начатое действие, прервать его или воздержаться от него, благодаря «самоинтервенциям»: контролю над воздействиями (включая воздействия собственных мотивов и чувств) и изменениям своего образа жизни и идентичности [3, р. 246]. Субъект способен переключаться с одних детерминант поведения на другие, делать выбор между равно привлекательными альтернативами, сопротивляться искушениям и отвлекающим факторам, менять принципы поведения.

Внешне самодетерминированность выражается в спонтанности и креативности поведения, в преобладании глагола «хочу» над «должен» [4]: человек поступает так, как считает нужным, исходя из внутренних установок. И все же главная цель самодетерминации не в том, чтобы получить желаемое, и сама она ситуативно зависима: мы не можем быть самоуверенными и самоутверждаться во всех ситуациях, тем более в неопределенных.

НЕСАМОДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Отказ человека от самодетерминации поведения в целях удовлетворения потребностей в сиюминутном внешнем одобрении, в благодарности, любви, признании, в ощущении «слитности с массой» и т.д. (М.К. Мамардашвили, А. Маслоу, Э. Гидденс, Д.Э. Гаспарян, В.Н. Мясичев, К. Хорен, Ф. Риман и др.) понимается нами как несамодетерминация поведения и объектность личности. К подобным стратегиям относятся созависимость, конформизм, иждивенчество, слепая поддержка, «вручение себя», добровольное отчуждение своих прав в рамках солидарных отношений и т. п. (Н.К. Асанова, Э. Берн, Дж. Боулби, Ф.Е. Василюк, М. Вудман, Ю.И. Гиллер, Н.В. Дмитриева, В.Н. Дружинин, Е.В. Емельянова, Х. Кохут, Р. Лэйнг, В.Д. Москаленко, С.К. Нартова-Бочавер, И.А. Шаповал и др.).

Несамодетерминация поведения отражается в его автоматизированности, стереотипности, ригидности или подчиненности эмоциям. Такая объектность привлекательна тем, что освобождает от необходимости самоанализа, рефлексии, внутренней регуляции, индивидуальной ответственности. Более того, доказывает

Ю.М. Гиллер, субъективное восприятие и внутренний смысл внешне детерминируемого поведения могут не рождать ощущения несвободы даже в случае насилия или социального принуждения, если человек считает главным и достаточным условием своей свободы наличие возможностей удовлетворения его стандартных потребностей [5, с. 48, 56]. В то же время отсутствие серьезного протеста против отношений зависимости, незнание возможностей изменения ситуации, дефицит веры в свои силы, нежелание рисковать и самоизменяться могут порождать стратегии приспособительной активности.

ИНДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ СЛУЧАЙНЫХ ФАКТОРОВ

В свете неопредетерминизма и системного подхода традиционное биполярное противопоставление внешней и внутренней детерминации поведения представляется недостаточным и предлагается понимание детерминизма как нелинейного с неоднозначностью будущего и отказом от идеи принудительной каузальности (Ж. Делез, М. Фуко, И. Пригожин, И. Стенгерс, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов и др.). Поскольку личность – открытая система, постольку ее энергообмен со средой имеет приоритет перед изолированными причинно-следственными цепочками. Фактор случайности создает ситуацию неопределенности и нарушает симметрию равновесной системы, поэтому поведение может быть как детерминированным внутренней или внешней причиной, так и индетерминированным.

В этом контексте отход от бинарного мышления и обращение к мышлению тернарному, позволяет, по мнению О.В. Лукьянова [6], объяснить, каким образом и почему человек не оказывается во власти неопределенности. Нелинейный детерминизм в понимании психической динамики человека отражается в новой парадигме гомеореза – способа функционирования самоорганизующейся системы (В.Е. Ключко, О.В. Лукьянов). Если гомеостаз акцентирует адаптивную функцию (Э. Эрикссон), гетеростаз – принципиальную сверхадаптивность и нормотворчество (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Д.А. Леонтьев, В.А. Петровский и др.), то психологический гомеорез – самодетерминацию системы, ориентированной, с одной стороны, на удержание своей целостности, с другой – на устойчивость процесса изменений (самоорганизации и самодезорганизации).

В ситуации неопределенности бифуркации, быстро изменяя параметры системы, нарушают ее симметрию, снижают уровень ее стабильности и переводят в резко неравновесное состояние. В этот момент рациональная каузальность теряет свою силу, и, как мы считаем, даже незначительное случайное воздействие может непредсказуемо изменить вектор детерминации поведения. Таким образом, нелогичное и неожиданное для самого человека и окружающих поведение оказывается откликом системы на бифуркацию, переход через которую, по словам И. Пригожина и И. Стенгерс [7], – такой же случайный процесс, как бросание монеты.

Обобщая анализ вариантов детерминации поведения, можно заключить, что не ограниченный ничем и никем самодетерминируемый субъект, полностью детерминируемый извне или изнутри человек-объект или «человек-флюгер» – предметы изучения скорее психиатрии, чем

психологии. В повседневности большинства людей детерминация их поведения представляет собой композицию личностной самодетерминации и несамодетерминации в их гибких индивидуальных пропорциях.

В обыденных ситуациях, в субъективной «зоне комфорта» поведение определяют детерминистические законы и законы сохранения, отражая симметрию и инвариантность равновесных систем; в ситуации неопределенности, нестабильности и случайных флуктуаций – точке бифуркации – в действие вступает индетерминация, определяющая равные возможности симметрии или асимметрии поведения системы.

Диалектичность противостояния активного Я и внешних и внутренних сил является еще одним аргументом в пользу того, что поведение одного и того же человека может быть и само-, и несо-, и индетерминированным. И каждый из вариантов относительно ситуации может быть адаптивным или дезадаптивным, конструктивным или деструктивным, отражая тенденции адаптации к среде и ее преобразования, самоадаптации и самопреобразования [8].

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ В ПОГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Связанные с неопределенностью переживания актуализируют и энергетически напрягают границы между Я и Ты, разумом и телом, психическим и физическим [9; 10]; телесные границы, границы ценностей, доверия, проявлений, открытости, риска [11]; интраперсональные и интерперсональные и т. д. Само многообразие видов границ указывает на множественность разделяемых и связываемых ими пространств, интегрируемых личностью с сохранением относительной автономии каждого из них.

Столкнувшись с неопределенностью, человек обнаживает себя в пограничном пространстве «между», где уже не работают привычные причинно-следственные связи, и потому необходимо самому установить границы возможностей своей активности во взаимодействиях с Я и не-Я. Соединение разных горизонтов смысла в пространстве «пограничья» делает возможными смену состояний, переход из одного в иное [12], превращение энтропии в негэнтропию, доопределение недоопределенного, детерминацию мира [13].

Вслед за В.А. Петровским [14, с. 69] можно обозначить три потенциальные поведенческие стратегии в ситуации неопределенности: 1) адекватная и адаптивная ситуативность, 2) ситуативная неадекватность с дезадаптивностью и 3) «надситуативность» – избыточная и интенсивная, автономная и неадаптивная. Субъектность и самодетерминация, по мнению В.А. Петровского, проявляются в активно-неадаптивном выходе человека за границы детерминированного, изведенного и заданного (транситуативность и контрситуативность): это действия в направлении самоиспытания, оценки себя как причины себя самого (мыслей, переживаний, осуществления себя) по отношению к миру.

Е.Т. Соколова приводит пять типов переживания субъективной неопределенности: 1) всепоглощающий негативный аффект с непереносимой тревогой; 2) более легкие отрицательные эмоциональные переживания двусмысленности, амбивалентности, непредсказуемости и т. п.; 3) полная непереносимость неопределенно-

сти с нивелированием собственного Я и подчинением авторитету; 4) маниакальная проекция и трансгрессия по нарциссически-перфекционистскому типу; 5) позитивные эмоциональные переживания любопытства, поисковой надситуативной активности и т. п. [15, с. 45–46]. Заметим, что четыре из пяти типов переживания имеют негативную окраску, размывающую границы между здоровьем и расстройством личности.

Поведение, считают Т. Millon и R. Devis [16], определяется тремя биполярными параметрами: 1) удовольствие – боль: какие стимулы человек обучился искать или избегать; 2) Я – другие: где он старается достичь их; 3) активность – пассивность: как ведет себя, чтобы достичь или избежать их. Соответственно, дефицитарная личность не способна акцентировать две стороны полярности, несбалансированная – акцентирует одну сторону и исключает другую, конфликтная – колеблется между полярностями и резко меняет свои оценки и стиль поведения.

Переживание неопределенности создает «мир на границе», в котором осуществляется образование нового смысла, и здесь допустимо движение не только к высшим ценностям, но и к «нулевой ценностной границе», подчеркивает Т.В. Куликова [12]. Двусмысленность ситуации, субъективная равноценность альтернатив без гарантий их успеха, многозначность и непредсказуемость последствий выбора ставят человека перед задачей осознания и тестирования границ своего Я и не-Я в условиях их неясности и тензионном (от англ. *tension* – «напряжение») состоянии «брожения», ослоненном, как правило, внутренним дискомфортом. В этой ситуации для обеспечения взаимодействий Я с не-Я система границ Я – динамическая (изменяющаяся) и открытая (в диалогических отношениях человека с миром и с самим собой) [17] – должна быть переструктурирована относительно ситуации и ее интерпретации самим человеком.

Д.А. Леонтьев называет два противоположных способа реагирования на вызов неопределенности – принять его, стараясь усложниться, развиться самому, преодолеть установившиеся границы, или отвергнуть, уйти от выбора, заблокировать границы новых возможностей [13]. Однако отказ от детских иллюзий стабильности и однозначности картины мира может приводить как к выработке взрослой позиции принятия неопределенности с обнаружением новых возможностей, так и к инфантильному «бегству от реальности» (Н. Пезешкиан) или хроническому «поиску рецептов хорошей жизни» (З. Бауман).

Я-ОТГРАНИЧЕНИЕ И КАУЗАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ДЕТЕРМИНАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

Характер детерминации человека, согласно Е. Деци и R. Руан [18], определяется индивидуальным соотношением: а) локуса каузальности – доминанты ориентации в поведении и б) каузальной ориентации – преобладающей мотивации. И если личностная детерминация исходит из внутренних или внешних мотивов (и соответственно им воспринимается награда) и сохраняет контроль над ситуацией, то безличная – из невозможности достижения желаемого каким-либо путем, и потому она случайна и хаотична. В целом, можно сказать, индивидуальная схема детерминации поведения человека

в гибких пропорциях сочетает личностную самодетерминацию (внутреннюю), несамодетерминацию (внешнюю) и безличную индетерминацию («случай», «рок» и т. п.), связанную с субъективной неопределенностью. Нарушение в детерминации пропорций личностного и безличного, по мнению E. Deci и R. Ryan, отражает дефицит или деструктивность внутренней мотивации и неадекватное развитие и дисфункции личности, вплоть до психопатологии.

«Болезни» личности G. Ammon [19] объясняет дефицитарностью и дисфункциями границ Я: благодаря им образуется «дыра в Я», заполняемая болезненной симптоматикой и определяющая такой тип отношений с не-Я, последствия которого оказываются неблагоприятными для Я и/или не-Я. Относительную автономию человека от внутренних потребностей и окружающего мира, самодетерминацию обеспечивают гибкие границы Я и их постоянное расширение в областях сознания и бессознательного.

Изменения человеком границ своего Я в ситуации неопределенности имеют целью установить размеры преобразований внутренней и внешней реальностей и границы вмешательства в Я и не-Я. Процесс выяснения отношений между ними реализуется через механизмы сознательного или неосознанного выстраивания, передвижения, разрушения, преодоления их границ. Главная роль в этом принадлежит, по нашему мнению, функциям границ (в терминологии G. Ammon внешнему и внутреннему Я-отграничению): устанавливать и сохранять психологическую дистанцию, контролировать решения относительно правил, манипуляций, эксплуатации [10]; служить мотивом преодоления самих себя или подавления активности интроецированными требованиями [20]; передвигаться и изменяться в процессе взаимодействия с не-Я [21].

Эффективное функционирование границ позволяет личности ориентироваться и творчески адаптироваться к условиям реальностей Я и не-Я, доминанта же одного из типов детерминации поведения, утрата им своей приспособительной функции, стереотипизация и жесткая фиксация приводит к деструктивным выходам из ситуации неопределенности и патологии личности. Таким образом, адекватность и эффективность функционирования границ Я в обеспечении взаимодействий Я с не-Я прямо связаны с характером детерминации поведения человека и его ответом на ситуацию неопределенности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

По результатам проведенного анализа, синтезируя представления о формах переживания субъективной неопределенности (Е.Т. Соколова) с вариантами Я-отграничения (G. Ammon) и каузальной ориентации (E. Deci и R. Ryan), мы считаем возможным типологизировать схемы детерминации поведения.

1. Функциональная самодетерминация и позитивное переживание неопределенности на основе конструктивного Я-отграничения и автономной интернальной ориентации.

Внешнее Я-отграничение позволяет субъекту различать Я и не-Я, хорошо «чувствовать реальность», быть автономным, контролировать и регулировать дистанцию и близость с внешним миром, вступать в контакты

и обмен информацией без угрозы переидентификации и выходить из них без чувства вины. Внутреннее Я-отграничение дифференцирует фантазии и чувства от реальности, мысли от чувств, отношения от действий, прошлое от настоящего. При этом субъект удерживает ощущение их целостной тождественности и контролирует их влияние.

Конструктивное Я-отграничение определяет автономность интернальной ориентации и позитивные эмоциональные переживания удовольствия исследования, азарта и инсайтов в творческом и осмысленном преобразовании ситуации неопределенности. Чувства самодетерминации и компетентности проявляются в эффективном управлении мотивами, сенситивности к изменениям ситуации, в гибкости использования информации для принятия решений.

2. Дисфункциональная экстремальная самодетерминация и негативное переживание неопределенности на основе деструктивного Я-отграничения и автономной интернальной ориентации.

Деструктивность внешнего Я-отграничения проявляется в эксплуататорском отношении к людям, в стремлении манипулировать ими, паразитизме, выраженной зависти к чужим успехам, патологическом вранье, недостатке эмпатии, чувстве привилегированности. Внутреннее Я-отграничение совмещает грандиозное чувство самозначимости, неразвитость системы ценностей, коррупционную совесть, ипохондрическую занятость, захваченность фантазиями неограниченного успеха, власти, потребность в восхищении и т. д.

Подобная схема детерминации поведения наблюдается у лиц с нарциссически-перфекционистским расстройством, или с Я-типом личности [22]. В дезадаптирующем процессе чрезмерной поляризации поиска себя, самоопределения и самоутверждения нарциссическая личность выкристаллизовывает неконструктивный способ организации своего психологического пространства с демонстрацией самодостаточности, маниакальной проекцией, трансгрессией и жизнью «без границ», сдерживающих нормативов и правил.

3. Несамодетерминированное поведение и негативное переживание неопределенности на основе деструктивного Я-отграничения и экстернальной контролируемой ориентации.

Здесь непроницаемость границ Я – исходное условие и внешнего, и внутреннего Я-отграничения. Вторичными являются закрытость относительно чувств и интересов окружающих, самоизоляция, «обособление без коммуникации» и ригидно фиксированный барьер между Я и бессознательным, чувствами и потребностями и – как следствие – формирование «ложной» идентичности.

Бедность фантазий и эмоций, отсутствие связи с историей своей жизни, обособленность отдельных сфер Я объясняют гиперадаптированность человека к внешним требованиям и инстинктивным побуждениям. Они инициируют его действия и стремление к сверхдостижениям, веру в зависимость результатов от поведения, поиск внешних признаков успеха. В то же время доминанта внешней мотивации ведет к негибкости в поведении и компенсируется сильной потребностью в контроле извне.

4. Несамодетерминированное поведение и негативное переживание неопределенности на основе

дефицитарного Я-отграничения и безличной амотивирующей ориентации.

В этой схеме границы Я не развиты, функционально недостаточны и потому сверхпроницаемы, что определяет «затянувшийся симбиоз» и дефицит способности к обособлению. Недифференцированность Я от не-Я ведет к хамелеоноподобному подстраиванию под чувства и точки зрения других людей, к социальной гипердаптивности. С другой стороны, дефицитарность внутреннего Я-отграничения обуславливает пребывание во власти неосознанных переживаний, чувств и фантазий, недоразвитие личностной и социальной компетентности, низкую самооценку.

В основе этой схемы детерминации – «выученная беспомощность» (М. Селигман): опыт отсутствия адекватной обратной связи рождает у человека чувства непредсказуемости, неконтролируемости, нелогичности реакций и, как следствие, нежелание прикладывать усилия. На этом фоне самодетерминация минимальна. Большая или меньшая непереносимость тревоги неопределенности как ситуации отсутствия доступа к внутренним ресурсам Я приводит к зависимости от окружения, конформизму, отказу от собственной системы эталонов, к подчинению авторитету и власти, нивелированию своего Я.

Среди представленных нами схем детерминации поведения при переживании неопределенности позитивным является лишь один вариант, а в негативных вариантах переживания утрачивается главный психологический критерий самодетерминации – гибкость человека в управлении взаимодействиями Я и не-Я. Однако в реальности детерминация нашего поведения вариативна, ситуативно и субъективно-оценочно зависима, и потому любая из схем может быть как адаптивной, так и дезадаптивной. Включение в ситуацию фактора случайности определяет непредсказуемость возможности самодетерминации.

ВЫВОДЫ

Роль границ Я личности в детерминации ее поведения при переживании неопределенности заключается в том, что их функционирование (сознательное и неосознанное) в формах внешнего и внутреннего Я-отграничения выступает основой развития каузальной ориентации, характера детерминации поведения и способа реагирования человека на неопределенность.

Характер функционирования границ (конструктивность, деструктивность, дефицитарность) в ситуации субъективной неопределенности проявляет себя в установлении и сохранении дистанции между Я и не-Я, в контроле относительно правил и манипуляций, в подавлении активности личности или ее повышении вплоть до надситуативной активности, в изменении своих состояний и т. д.

В зависимости от характера и степени функциональности границ Я каузальная ориентация поведения может быть автономной интернальной, контролируемой экстернальной или безличной амотивирующей. Соответственно вариативна и детерминация поведения: функциональная, дисфункциональная, экстремальная и несамодетерминированное поведение.

Очевидно, что индивидуально-типичная композиция детерминации поведения является динамичной и под

влиянием фактора случайности может непредсказуемо изменяться, поэтому перспективой исследования мы видим изучение характера вклада индетерминированного поведения в различных вариантах его девиаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Селезнева М.В. Сравнительный анализ понятий «субъект» и «субъектность» в зарубежной психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 2. С. 47–53.
3. Harre R. Personal Being. Oxford: Blackwell, 1983. 299 p.
4. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // Современная психология мотивации. М.: Смысл, 2002. С. 103–121.
5. Гиллер Ю.И. Социология самостоятельной личности. М.: Гаудеамус, 2006. 224 с.
6. Лукьянов О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2009. 43 с.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
8. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 204 с.
9. Bradshaw J. On The Family. A New Way of Creating Soild Self-Esteem. United States, 1996. 305 p.
10. Brown N.W. Coping with infuriating, mean, critical people: the destructive narcissistic pattern. Westport: CT Praeger, 2006. 191 p.
11. Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальт-терапия: контуры теории и практики. М.: Класс, 1996. 272 с.
12. Куликова Т.В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы : дис. ... д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2011. 334 с.
13. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 2–9.
14. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
15. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 895 с.
16. Millon T. Disorders of Personality: DSM-IV and Beyond. NY: John Wiley & Sons, 1996. 548 p.
17. Шаповал И.А. Функции и дисфункции границ Я: эффекты самоорганизации и самодезорганизации системы // Клиническая и специальная психология. 2016. Т. 5. № 1. С. 19–32.
18. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. Vol. 25. P. 54–67.
19. Ammon G. Handbuch der Dynamischen Psychiatric. München: Er. Reinhardt Verlag, 1982. 967 p.
20. Кузьмина Е.И. Психология свободы: теория и практика. СПб.: Питер, 2007. 336 с.
21. Нартова-Бочавер С.К., Силина О.В. Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. Т. 32. № 3. С. 13–28.

22. Шамшикова Е.О. Детерминация нарциссизма в организации психологического пространства личности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 24–35.
- REFERENCES**
1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p.
  2. Selezneva M.V. The comparative analysis of the terms “subject” and “agency” in the foreign psychology. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*, 2015, no. 2, pp. 47–53.
  3. Harre R. *Personal Being*. Oxford, Blackwell Pub., 1983. 299 p.
  4. Dergacheva O.E. Autonomy and self-determination in the psychology of motivation: theory E. Deci and R. Ryan. *Sovremennaya psikhologiya motivatsii*. Moscow, Smysl Publ., 2002, pp. 103–121.
  5. Giller Yu.I. *Sotsiologiya samostoyatelnoy lichnosti* [Sociology of self-personality]. Moscow, Gaudemaus Publ., 2006. 224 p.
  6. Lukyanov O.V. *Samoidentichnost kak uslovie ustoychivosti cheloveka v menyayushchemsya mire*. Avtoref. dis. dokt. psikh. nauk [Self-identity as a condition for the stability of man in a changing world]. Tomsk, 2009. 43 p.
  7. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos: man’s New dialogue with nature]. Moscow, Progress Publ., 1986. 432 p.
  8. Sardzhveladze N.I. *Lichnost i ee vzaimodeystvie s sotsialnoy sredoy* [Personality and its interaction with the social environment]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1989. 204 p.
  9. Bradshaw J. *On The Family. A New Way of Creating Soild Self-Esteem*. United States, 1996. 305 p.
  10. Brown N.W. *Coping with infuriating, mean, critical people: the destructive narcissistic pattern*. Westport, CT Praeger Publ., 2006. 191 p.
  11. Polster I., Polster M. *Integrirrovannaya geshalt-terapiya: kon-tury teorii i praktiki* [Integrated Gestalt therapy: Contours of theory and practice]. Moscow, Klass Publ., 1996. 272 p.
  12. Kulikova T.V. *Filosofiya granitsy: fenomenologicheskiy i episte-mologicheskiy podkhody*. Dis. dokt. filos. nauk [The philosophy of boundaries: a phenomenological and epistemological approaches]. Nizhniy Novgorod, 2011. 334 p.
  13. Leontev D.A. The challenge of uncertainty as the Central problem of psychology of personality. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2015, vol. 8, no. 40, pp. 2–9.
  14. Petrovskiy V.A. *Chelovek nad situatsiyey* [The person on the situation]. Moscow, Smysl Publ., 2010. 559 p.
  15. Sokolova E.T. *Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya* [Clinical psychology of loss I]. Moscow, Smysl Publ., 2015. 895 p.
  16. Millon T. *Disorders of Personality: DSM-IV and Beyond*. NY, John Wiley & Sons Publ, 1996. 548 p.
  17. Shapoval I.A. Functions and dysfunctions of borders I: the effects of self-organization and semideterministic system. *Klinicheskaya i spetsialnaya psikhologiya*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 19–32.
  18. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions. *Contemporary Educational Psychology*, 2000, vol. 25, pp. 54–67.
  19. Ammon G. *Handbuch der Dynamischen Psychiatric*. München, Er. Reinhardt Verlag Publ., 1982. 967 p.
  20. Kuzmina E.I. *Psikhologiya svobody: teoriya i praktika* [The psychology of freedom: theory and practice]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2007. 336 p.
  21. Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. The dynamics of the development of psychological boundaries during childhood. *Aktualnye problemy psikhologicheskogo znaniya*, 2014, vol. 32, no. 3, pp. 13–28.
  22. Shamshikova E.O. Determination of narcissism in the organization of psychological space of the personality. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, no. 3, pp. 24–35.

**THE ROLE OF EGO AND NON-EGO BOUNDARIES IN THE DETERMINATION OF BEHAVIOR
IN UNCERTAIN ENVIRONMENT**

© 2017

I.A. Shapoval, Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor of Chair of special psychology
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg (Russia)

Keywords: ego and non-ego boundaries; self-determination; non-self-determination; indetermination; subjective uncertainty.

Abstract: This paper is the theoretical analysis of the issue of interrelations of ego and non-ego boundaries of a person and the determination of its behavior in the situation of subjective uncertainty. The goal of the research is the evaluation of the role of ego boundary in the determination of behavior of a person in the subjective uncertain environment. The analysis of behavior determination variants includes its self-determination, non-self-determination, and indetermination in the uncertainty of the future. It is shown, that the everyday behavior determination is a composition of self-determination and non-self-determination in their flexible individual proportions. The uncertainty situation as the bifurcation point determines the occurrence of a person borderline state when the habitual determination is out and the ego boundary system – dynamic (changing), open (in dialogical relations of a person with the world and oneself), functional (ego delimitation) – becomes tense. In this situation, the limitations are tested, ego and non-ego boundaries are recognized and reconstructed in a new environment. The author proves that the overcoming of actual boundaries and blocking of boundaries of new possibilities depend on the specificity of functioning of the boundaries that determines the causality locus as the orientation dominance within behavior and causal orientation as the dominant motivation (according to E. Deci and R. Ryan theory), the nature of behavior determination and the way of a person's reaction to the uncertainty challenge. The result of the author's analysis is the typology of behavior determination schemes with respect to the forms of experience of subjective uncertainty (positive, negative), ego delimitation variant (constructive, destructive, and deficient) and causal orientation (autonomic internal, controlled external, and impersonal amotivating). The author comes to the conclusion about the relations between the uncertainty experience and individual-typical compositions of behavior determination, which can change unexpectedly under the influence of uncertainty factor. Under these circumstances, the role of ego boundaries as a system is determined by their functions implementation that determines causal orientation, behavior determination nature, and the way of a person's reaction to the uncertainty.